

БРОНИСЛАВ ТАБАЧНИКОВ

РАХМАНИН

Вся его жизнь – от юношеского самостоянья до сегодняшнего беспокойного дня связана с университетом. А это, что ни говори, почти семь десятилетий, вобравших множество событий, переживаний, утрат и обретений. И потому писать об этом человеке легко и невероятно трудно. Легко, потому что он открыт, искренен, намертво лишён двоедушия и снобизма, моментально готов прийти на помощь, откликнуться на любую беду и светлую радость, рассказать смешную байку и посмеяться над весёлым анекдотом. Его цепкий, готовый к работе ум мгновенно реагирует на изменившуюся ситуацию, чутко улавливает едва ощутимые оттенки общественного настроения. Ему порой нелегко передвигаться в пространстве, но процесс осмысления той или иной социальной, политической, даже бытовой данности – всегда в радость, потому как за плечами десятилетия напряжённой аналитической работы в науке и практике высшего образования, да и вообще Валентин Сидорович Рахманин, с учётом этих беглых характеристик или без них, очень хороший человек, и потому говорить о нём легко, просто, что называется, себе в удовольствие.

Но если подойти к этому «говорению» с позиций, которые предполагают пристальный взгляд на судьбу совсем неординарной личности в интерьере прожитого времени, то задача многократно услож-

Валентин Сидорович Рахманин

Свеча одного человека светит многим.

Народная мудрость

няется, станет объёмной и многомерной, потому как на протяжении одной, не такой уж короткой человеческой жизни пережито без преувеличения несколько эпох со своими взлётами и падениями, радостями и разочарованиями, свершениями и надеждами, которым, увы, не суждено было воплотиться в реальность.

...Послевоенная, полугодовалая юность на историко-филологическом факультете ВГУ запомнилась большим количеством фронтовиков на курсе, добротным уровнем преподавания, яркими лекторами, приезжавшими из столиц читать специальные курсы. Однако ни литература, которую любил и хорошо знал, ни лингви-

стика не притягивали, казались слишком академическими и слегка пресноватыми. Увлекала в полном согласии с клокочущим темпераментом общественная работа и постижение каких-то более основательных и высоких смыслов бытия. Так возникла аспирантура по философии у несомненного лидера воронежских обществоведов той поры профессора Б.М. Бернадинера, нешуточное погружение в социокультурные и философские глубины марксизма. И здесь, пожалуй, возникает один из ключевых вопросов нашего повествования. В памятные времена молодости Рахманина, в годы его научной и педагогической зрелости не могло быть и речи о какой-либо, пусть даже самой осторожной, критике марксиз-

ма. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Этот ленинский постулат был неопровержим, и мне неизвестны смельчаки, которые пытались бы поставить его под сомнение. Так сказал Владимир Ильич Ленин, имя и дело которого были сакральны и потому воспринимались как незыблемое вероучение. Иное дело нынешние вольные и бесшабашные времена. Дозволение на критику никто не спрашивает. Уровень её бывает разный. Иногда выше, чаще за пределами здравомыслия, но не об этом речь. Естественно, учёные-обществоведы «рахманиновского призыва» всегда были и до конца жизни останутся верными гуманистической сути марксизма, его философским истокам и методологической глубине, его, если так можно выразиться, стилистическому совершенству.

Да, жизнь оказалась богаче иных марксовых посылок, но он, несомненно, уловил главный конфликт эпохи и тем самым дал путеводную нить следующим поколениям исследователей общественной жизни, продолжившим дело Маркса в XX веке. Поэтому можно смело говорить о том, что профессиональный облик Рахманина сформировался, с одной стороны, под мощным влиянием марксовской социальной философии, а с другой – на основе интеллектуальных и нравственных ценностей, принадлежавших людям (учёным, публицистам, литераторам, деятелям искусств), духовно сложившимся в эпоху «оттепели» и начавшим глубоко задумываться о самых сокровенных смыслах эпох в сопоставлении с реалиями дня. По моему разумению, это был последний всплеск некоторого идеализма, несбывшейся надежды на общественное обустройство с лицом, исполненным ума и благородства. От следующего поколения, которое, к несчастью, формировалось в атмосфере цинизма, распада, лжи, ничего существенного ожидать не имело смысла.

Лучшее, что можно было сделать, так это минимизировать зло напряжённой креативной работой на всех доступных направлениях. Главным из них, разумеется, была наука, постижение многообразных бытийных смыслов на переломе эпох, когда стало ясно, что революционный путь преобразований не единственный, что есть другие, менее затратные азимуты, требующие соединения различного рода усилий и, прежде всего, тщательного изучения социума. Этим и занялась кафедра, которую Валентин Сидорович возглавил в 1964 году после недолгого пребывания на посту проректора ВГУ. «Оттепель» требовала работников молодых, энергичных, хорошо образованных, умеющих дерзать и при этом не бояться ответственности. Стремительный закат её установлений не означал, конечно, полной элимина-

В.С. Рахманин (второй слева) на университетской базе отдыха «Веневитиново». 1950-е годы

ции талантливо-деловых людей, но с руководящих высот они переходили на ступень-другую ниже...

Мощная, больше 20 человек, кафедра подбиралась, естественно, не сама собой, но в результате тщательного «кастинга», проведённого заведующим вдумчиво и строго. По преимуществу это были молодые, недавно окончившие университет люди, способные решать не только педагогические задачи, но творчески и не зашоренно исследовать актуальные проблемы общественности. Цель, с которой подобного рода кафедры создавались едва ли не во всех структурах высшего профессионального образования, была очевидна. Требовалась, грубо говоря, тщательная промывка молодых мозгов. Венгерские события 1956 года, заметный рост диссидентских настроений внутри советских республик, появление принципиально новой по сути и смыслу молодёжной субкультуры, ядром которой стало творчество Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Юлия Кима, предполагали осмысленную реакцию и эффективное противодействие. Возникновение кафедр научного коммунизма могло стать существенным, так, по крайней мере, казалось советскому агитпропу, шагом именно в этом направлении. Вкупе с развёрнутой широким фронтом лекторско-пропагандистской работой, проведением различного рода многочисленных семинаров и всевозможных, насыщенных партийными лозунгами конференций, кафедры должны были стать идеологическим фундаментом оправдания реальной практики недомолвок, скрытности, полуправды и всей той нелепицы «развитого социализма», который окружал советского человека. Сущей неправдой было бы утверждение по поводу неучастия Рахманина и сотрудников кафедры в идеологической практике того приснопамятного времени. Нет, нет. Участвовали, что называется, по

Кубинская революционерка Анхелла Алонсо, ставшая прототипом героини оперы К. Листова «Дочь Кубы» в ВГУ. Слева – В.С. Рахманин. Декабрь, 1962 год

всем фронтам: и в аудиторной работе со студенчеством, и в пропагандистской деятельности по линии разных общественных организаций. Однако всех их, смею утверждать, отличала какая-то особая серьёзность, стремление «дойти до самой сути», отделить правду жизни с присущими ей достоинствами от беспардонной лжи и недомыслия. Не могу в контексте этих размышлений не вспомнить многократно слышанные мною лекции самого Рахманина. Это было прекрасно! Не только безупречный стиль, железная логика, могучий, и при этом жёстко контролируемый темперамент, абсолютно свободное, с многократным превышением, владение разнообразным материалом, касающимся, естественно, предмета разговора, но главное, что завораживало и покоряло, – интеллектуальная отвага, умение до предела обнажить мысль и взглянуть на суть явления под выношено своим, незаёмным, но неизменно глубоко продуманным и, что важнее всего, научно обоснованным взглядом. Не зря партийное начальство часто приглашало его для выступлений перед пропагандистами и агитаторами разных уровней. Дескать,

учитесь, родимые, если хотите, чтоб люди слушали и верили вам, несмотря на невесёлые житейские реалии. Кстати, именно таким образом он был удостоен чести открывать дискуссию на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (Москва, Кремль, 1–3 октября 1986 года).

Предыстория появления на высокой трибуне выглядела следующим образом: ранней осенью второго года перестройки в Воронеж пожаловал Егор Кузьмич Лигачёв, правая рука Горбачёва в обновлённом руководстве КПСС. Среди других вопросов местной жизни его почему-то остро интересовала проблема эффективности преподавания общественных наук. У первого секретаря областного комитета партии Вадима Николаевича Игнатова отдел науки и учебных заведений собрал аксакалов воронежского фронта общественнознания. Немало не смущаясь, они заунывно начали, как говаривал классик, «песнь одну и ту же». Игнатов, а вместе с ним и Лигачёв в восторг от их «пения» не пришли и даже, напротив, разозлены были отменно. И здесь слово взял Рахманин. Как всегда, умно, остро, а главное, по существу определил он, следуя ленинской стилистике, «больные вопросы нашей партии», а заодно и хвори её преподавателей. Егор Кузьмич был в восторге и тут же распорядился дать первое слово на грядущем совещании обществоведов Валентину Сидоровичу...

...Вернёмся, однако, на кафедру, которой предстояло ещё почти 30 лет «разнообразной вузовской работы». Её высокому авторитету в профессиональном сообществе в немалой степени способствовали, во-первых, здоровый нравственный климат, составлявший фундаментальную основу отношений в коллективе, и, во-вторых, обязательная (без исключений!) научная работа всех вместе и каждого, кому поручалось подготовить статью, доклад, реферативный обзор, выступить с каким-либо сообщением ме-

В.С. Рахманин и Б.И. Михантьев

тодического характера. В те годы под руководством В.С. Рахманина, получившего докторскую степень в Учёном совете Московского университета, было защищено добрых полтора десятка кандидатских диссертаций, выполнено множество содержательных исследований на основе данных социологической лаборатории, работавшей при кафедре. Демагогии, пустопорожней лозунговой трескотни заведующий на дух не выносил. И потому, когда партийно-советский колосс в одночасье перестал существовать, трагедии не произошло. Кафедра сосредоточилась на преподавании классической социологии, изучении и раскрытии перед студентами непростых, особенно в ту пору, политологических проблем. Под руководством Рахманина Александра Глухова защитила докторскую диссертацию по конфликтологии, определив тем самым основное направление работы преподавателей на ближайшую и более отдалённую перспективу.

С редким достоинством, по глубокому внутреннему убеждению, Валентин Сидорович на стыке тысячелетий оставил руководство кафедрой, передав его в руки коллеги, родившейся на четверть века позже. Таких примеров в почти столетней университетской истории, поверьте, было очень немного. Ни на миг он не отошёл от дел, взвалив на себя разработку новых специальных курсов, руководство сочинениями магистров, диссертантов и ещё немалую толику поручений, которых в повседневной работе коллектива на всех хватает. А ведь именно в это время пришли, к сожалению, неминуемые сбои и неурядицы, связанные со здоровьем родных, близких, да и с собственным самочувствием...

На трибуне – В.С. Рахманин. Выступление на собрании межвузовского актива. Воронеж, апрель 1980 года

...Но этот волшебный пыл шестидесятничества, поразительное бескорыстие и романтическое восприятие жизни как великого блага, несмотря ни на что, поистине неугасимы. Загляните в одну из последних тетрадей ежегодного университетского Дня поэзии и прочтите стихотворения Валентина Сидоровича, которые расскажут о нём то, чего, быть может, не сумел донести до читателя автор этих скромных заметок, потому как, что ни говорите, а рифмы всегда смягчают печаль и даруют гармонию:

*Моя извилиста стезя,
И неказисты мои строки.
В стихах, конечно, мало проку,
Но только жить без них нельзя...*

В.С. Рахманин (сидит третий слева) с коллегами и учениками. Справа от него – А.В. Глухова